

Екатерина Дорохова
«ЛЕШУКОНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ»:
ДНЕВНИК Т.Ф. ХАНТАЛИНОЙ

В последние годы внимание исследователей традиционной народной культуры всё чаще привлекают явления, связанные с саморефлексией ее носителей. Само это понятие сравнительно недавно вошло в научный обиход отечественной фольклористики¹; оно обозначает обширную и неоднородную область современной жизни фольклорных традиций, лежащую на стыке устности и письменности, коллективного и индивидуального начал.

Одна из наиболее очевидных форм саморефлексии в традиционной культуре – «язык» ее самоописания; то, что принято называть народной терминологией. Проблема адекватного понимания этого «языка» и его переводимости на язык современной науки остается в кругу центральных проблем когнитивного направления в фольклористике, поскольку терминами маркируются наиболее значимые явления, релевантные для культурных систем. Это в первую очередь представления о внутреннем устройстве культурных традиций и законах их функционирования.

¹ Обзор литературы, посвященной анализу различных форм саморефлексии, в том числе и теоретических трудов, в которых эта проблема рассматривается с различных точек зрения, содержится в статье: *Власов А.Н.* Саморефлексия в традиционной культуре как объект комплексного исследования // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. Сб. докладов. Т. 3. М., 2011. С. 8–26. Список источников, упомянутых в статье, далеко не полон. В него, в частности, не вошли публикации, посвященные народной терминологии, а также другим устным проявлениям этнического самосознания.

Фиксация и изучение народной терминологии уже давно стали неотъемлемой частью большинства этномузыкологических исследований. Существует и обширный круг специальных публикаций¹.

Внимание этномузыкологов к этой сфере народной культуры объясняется, во-первых, значимостью и разработанностью региональных исследований (поскольку народная терминология всегда локальна), а во-вторых – вниманием к традиционному исполнительству, способам артикуляции музыкально-поэтических текстов, структуре аутентичных певческих групп и т. п. Эта сфера традиционной музыкальной культуры до сих пор мало изучена; не разработан и понятийный аппарат, вследствие чего ученым приходится во многом опираться на представления и замечания народных певцов и музыкантов.

Область самоописания традиционной культуры включает и другой вид устных текстов нетерминологического окказионального характера. Они рождаются спонтанно в процессе общения носителей традиций с собирателями. Всем хорошо знаком этот способ получения информации. По мере того как фольклор уходит из жизни современного села, фиксация обрядовых и иных практик в естественном активном бытовании, методика «включенного наблюдения» отходят в прошлое. Репортажи, интервью, опросы становятся основными формами полевой работы. Такие тексты как специфический жанр речевого высказывания также пока остаются недостаточно исследованными.

Еще обширнее оказывается круг письменных проявлений саморефлексии; он включает многочисленные краеведческие заметки, словари местного говора, этнографические описания обрядов, крестьянские мемуары, рукописные песенные сборники и т. п. Авторами всех подобных текстов являются как представители сельской интеллигенции – учителя, священники, работники клубов и библиотек, так и крестьяне. С точки зрения жанрового оформления эти материалы представляют собой пестрое и не всегда однородное явление. Этнографический рассказ о быте и обрядах русской деревни может включать фрагменты автобиографического, мемуарного характера²; в рукописных песенниках можно найти памятные записи хозяйственного характера и т. д.

¹ Среди них в первую очередь необходимо упомянуть работы Н.Н. Гиляровой, М.А. Енговатовой, Н.И. Жулановой, О.А. Пашиной, Т.С. Рудиченко, В.М. Щурова.

² Одна из недавних публикаций такого характера: *Сазанова Г.М.* Тверь наша губерния, Крешнево деревня... / Ред., лит. обработка Л.К. Королева; расшифровка песен, описание хореограф. движений Н.Е. Королева. Тверь, 2009.

Особую область образуют реалии, связанные с аксиологизацией традиционного сознания¹. Они обозначились достаточно давно, не позднее конца XIX столетия. Усиливающееся влияние города привело носителей фольклорных традиций к пониманию множественности культурных пространств, что, в свою очередь, вызвало закономерное ощущение ценности традиционного знания и стремление сохранить его с помощью технических средств городской культуры. На протяжении следующего столетия множество народных певцов и музыкантов приезжало в столичные города (часто – по своей инициативе), где ученые осуществляли звукозапись их репертуара – на фонограф, дискограф, магнитофон; позже они стали привозить столичным исследователям свои любительские звукозаписи, сделанные ими или их родственниками в деревне. Имена многих из них широко известны: Аграфена Ивановна Глинкина, Евдокия Корнеевна Щеткина, Анисья Александровна Кенина, Фаина Васильевна Пономарева, Антон Тимофеевич Капралов, Андрей Иванович Каргальский и многие другие.

Что объединяет этих людей? Безусловно, все они – выдающиеся знатоки местных музыкально-фольклорных традиций, владеющие обширным песенным репертуаром. Вместе с тем каждому собирателю-полевику хорошо известно, что множество не менее талантливых певцов никогда не стремилось в город и было выявлено исследователями в фольклорных экспедициях.

Общей чертой подавляющего большинства этих исполнителей оказывается их пограничное, маргинальное положение в своей культурной традиции, вызванное разными причинами. Некоторые из них в силу тех или иных причин были вынуждены уехать далеко от родных мест (Глинкина), переселиться в город (Щеткина, Капралов, Каргальский); другие получили городское педагогическое образование и работали учителями (Кенина, Пономарева, тот же Капралов). Капралов, помимо этого, пел песни женского репертуара, что также выводило его за пределы традиционных этических норм. То же говорили об известном белгородском исполнителе Ефиме Тарасовиче Сапелкине («*песни играет по-бабьи*»); к тому же он во время войны сотрудничал с оккупантами, чем односельчане попрекали его все последующие годы.

Обозначенная тенденция существовала и в прошлом: как следует из рукописных материалов собирателей XIX века, в том числе А.Л. Маслова и Н.Е. Ончукова, многие их информанты были нищими бродягами, невесть

¹ Имеется в виду ценностное отношение личности к своему культурному опыту и традиционному знанию, полученному от предшествовавших поколений, которое часто реализуется в осознании своей особой культурной миссии.

откуда пришедшими, или местными пьяницами. Маргинальное положение в культуре занимали и профессиональные вопленицы. Исследователи неоднократно указывали на пограничный статус Ирины Федосовой – народной исполнительницы и одновременно талантливой поэтессы¹.

Показательно, что многие из упомянутых певцов писали автобиографическую прозу (Глинкина – «Невольное детство», Кенина – «Песни моей родины») или краеведческие заметки, как Капралов.

Повышенный интерес исследователей к любым свидетельствам самоописания культуры вызван многими причинами. Прежде всего, этот феномен рассматривается как неотъемлемое свойство современного состояния фольклорных традиций, непосредственно связанное с постоянным возрастанием в них роли отдельных талантливых личностей, а следовательно, и с ускорением происходящих в ней изменений. Таким образом, рассматривая данный круг явлений, мы можем не только яснее понять механизмы взаимодействия личного и коллективного начал в культуре, но и определить закономерности существования этнокультурных систем во времени.

Кроме того, изучение саморефлексии приобретает особую важность в связи с утверждением в современной науке исследовательского метода, основанного на сочетании взгляда на культуру «изнутри» – глазами ее носителей; и «извне» – глазами ученых. Одно из основных правил данного метода – соблюдение баланса между двумя «точками зрения». Позиция носителей традиции является своеобразным тестом для исследователя, проверкой его гипотез, не дает ему углубиться в область умозрительных построений, далеких от реальности².

¹ Одна из последних работ: *Лобанов М.А.* Народный поэт Елпидифор Барсов // Актуальные проблемы современной фольклористики и изучения классического наследия русской литературы. Сб. науч. статей памяти Е.А. Костюхина / Ред.-сост. А.Н. Власов, Е.И. Анненкова и др. СПб., 2009. С. 97–103.

² Вместе с тем мнение носителей традиции требует критического осмысления, его нельзя принимать безоговорочно. Е.В. Гиппиус, тщательно фиксирующий в своих экспедициях местную терминологию и высказывания крестьянских певцов, тем не менее, указывал: «Задача собирателя – вести следствие, а не идти на поводу у исполнителя. Недопустимо принимать то, что говорит исполнитель, без достаточного критического анализа того, что он говорит. Критика источников “на корню”, во время собирательской работы – это основное положение, на котором мы должны основывать нашу работу, иначе мы будем идти по поверхности» (из стенограммы устного выступления Е.В. Гиппиуса на заседании расширенного бюро

Привлекательность как самого материала, связанного с этнокультурной самоидентификацией, так и возникающих при его рассмотрении проблем, определяется их междисциплинарным характером, отвечающим наиболее актуальным тенденциям отечественного народоведения. Интерес к междисциплинарной проблематике и аналитическим методам, разработанным в смежных областях знания, еще в 1980-е годы охватил этномузыкознание, а несколько позднее – и филологическую фольклористику. К концу XX века обращение к методам лингвистики и семиотики, а также соотнесение результатов научного анализа с данными этих дисциплин стали нормой для фольклористических исследований. Несколько позже, с возникновением интереса к динамическим процессам в традиционной культуре, исследователи всё чаще стали обращаться к разработкам в области эволюционной теории, а также ее современных разновидностей, сформировавшихся в последние десятилетия.

Изучение саморефлексии расширяет круг научных дисциплин, с которыми корреспондирует фольклористика, включая в них этнопсихологию, многие положения которой помогают решить ряд весьма важных проблем. Так, например, среди большой группы вопросов, встающих по отношению к исследуемым текстам (как письменным, так и устным), выделяется один, весьма существенный. Он касается их достоверности как источника информации о традиционной культуре. С одной стороны, обращает на себя внимание каноничность, устойчивость этих текстов в рамках локальной традиции, с другой – очевидна их неполнота и субъективность. Неполнота – потому что многие информанты оставляют «за скобками», как нечто само собой разумеющееся. При этом какие-то детали, напротив, могут гиперболизироваться. Неполнота информации приводит к неверной картине целого.

Субъективность связана с тем, что носитель традиции всегда рассказывает в первую очередь о себе: о событиях своей жизни, о том, чему он сам был свидетелем, что он слышал от кого-то. Таким образом, большинство текстов крестьянских авторов лежит в области автобиографической памяти, достаточно хорошо исследованной в современной науке¹. Для психологов очевиден факт принципиального несоответствия информации,

Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР 17 мая 1976 г.

Фонограммархив ИРЛИ РАН, фонд ОКМФ, папка 89, л. 65).

¹ См.: *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991 (переизд. – М., 2000); *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000; *Сапогова Е.Е.* Психология развития человека. М., 2001 и др.

хранящейся в памяти, реальным событиям. Искажения возникают вследствие действия большой группы факторов. Это и гиперболизация личного опыта, в результате чего частное и единичное позиционируется как общее и закономерное; и откровенная выдумка творчески одаренной личности, рождающаяся в те моменты, когда вступает в действие механизм, известный в психоанализе как «отрицание» – «честное неправильное воспоминание», сознательно отвергающее фактическую точность событий и уводящее в область фантазии.

Одно из положений исследований автобиографической памяти гласит, что образ прошлого не является навсегда закрепленной константой; каждое воспоминание «перекраивает» его, творит заново. Этот постулат вполне укладывается в предложенную американским психологом Ричардом Шведером концепцию «интенционального культурного мира», предполагающую взаимообратимость личности и культуры, постоянно конструирующих друг друга¹.

Можно предположить, что по мере дальнейшего возрастания личностного начала в традиционной культуре обозначенные тенденции будут проявляться всё ярче и масштабнее.

* * *

Жанр дневника относится к числу относительно редких в массиве самодеятельной крестьянской литературы². Тем больший интерес вызывают дневники, обнаруженные собирателями во время фольклорных экспедиций.

С Татьяной Федосеевной Ханталиной мне довелось познакомиться в августе 1978 года, когда нас с Ю.А. Багрием, двух молодых сотрудников Фольклорной комиссии Союза композиторов СССР, по инициативе Е.В. Гиппиуса было решено послать в Архангельскую область с целью отбора народных исполнителей для участия в ежегодном музыкально-этнографическом концерте. Это была первая для нас обоих поездка на Русский Север.

Нам был вручен список деревень, в которых нам следовало побывать, собрать этнографические коллективы и записать в их исполнении образцы местных песен. В него вошли села Малая и Большая Нисогора, а также деревня Чуласа Лешуконского района; село Нюхча и деревня Каскомень Пинежского района.

¹ См.: *Shweder R.A. Thinking Through Cultures: Expeditions in Cultural Psychology. Cambridge (Mass.); London, 1991.*

² Из современных публикаций см.: На разломе жизни: Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915–1931 годы / Публ. подгот. М.И. Мильчик и М.А. Шумар. М., 1997.

В первый же вечер нам удалось успеть на пароход, отправлявшийся из Лешуконского вниз по Мезени. Несколько раз он приставал к берегу, матрос опускал сходни и высаживал пассажиров в очередной деревне. Оставшиеся на борту оживленно обменивались новостями с местными жителями, собравшимися на высоком берегу. Мы слушали их речь и приходили в отчаяние, так как не понимали ни одного слова. Лишь два-три дня спустя наш слух адаптировался к местному говору, и мы перестали чувствовать себя иностранцами.

Солнце зашло, стало темнеть: белые ночи уже заканчивались. Надо было думать о ночлеге. Сойдя с парохода в Малой Нисогоре, мы увидели невысокую старушку, сидевшую около реки на каком-то ящике. Она приветливо смотрела на нас, и это придало нам смелости. Через несколько минут мы уже знали, что она живет в Лешуконском, а здесь гостит у своего старшего брата, бывшего военного фельдшера. Татьяна Федосеевна повела нас в дом, и там, за самоваром, поставленным гостеприимными хозяевами, мы познакомилась с ними поближе.

В Малой Нисогоре, по их словам, уже не было слаженной певческой артели, и на следующий день мы вместе с Татьяной Федосеевной ушли в Большую Нисогору, где и записали несколько песен и причитаний. Она всё время сидела рядом с нами, внимательно слушала, изредка комментируя исполнителей.

На следующий день на рассвете наша новая знакомая провожала нас в Лешуконское, звала непременно заходить в гости, когда приедем на Север в следующий раз. Прошло четыре года, и я встретила с нею вновь. На этот раз я приехала на Север из Петербурга вместе с мужем; решение направиться на Мезень пришло к нам спонтанно, когда оказалось, что впереди у нас несколько свободных дней.

Татьяна Федосеевна встретила нас в Лешуконском как родных. Три дня пролетели мгновенно. Мы познакомилась с ее сыном Анатолием и другими родственниками. Помогали семье по хозяйству, ходили в баню. На второй день я обнаружила на маленьком столике стопку тетрадей в темных коленкоровых переплетах, раскрыла одну из них и увидела записи, сделанные округлым аккуратным почерком. Оказалось, что Татьяна Федосеевна уже много лет вела дневник, не расставаясь с ним даже во время многодневных поездок на рыбалку в тайболу¹.

К сожалению, бóльшую часть тетрадей племянник Татьяны Федосеевны увез в Москву, чтобы показать какому-то журналисту. Оставшиеся

¹ В Лешуконье так называют заболоченные лесные массивы, которые тянутся на многие десятки километров.

тетрадки мы пересняли, использовав весь запас фотопленки. Некоторые кадры впоследствии оказались бракованными, другие необратимо потемнели, и лишь небольшую часть сделанных снимков спустя тридцать лет мне удалось оцифровать и расшифровать то, что было на них снято¹.

Казалось бы, простой, незатейливый рассказ; летопись неспешной, размеренной жизни, в которой всё зависит от сурового северного климата. Быт, повседневные хозяйственные заботы, праздники, болезни, встречи с родственниками, поездки в дальние деревни. Ничего необычного, удивительного. Однако в процессе чтения постепенно рождается чувство причастности к этой тихой жизни, к этим людям. Их взаимоотношения, мысли, печали и радости становятся интересными, и уже ловишь себя на ощущении досады, когда повествование обрывается.

На страницах дневника мы находим множество сведений, имеющих определенную этнографическую ценность. Это местная терминология, диалектные слова, сведения о престольных (съезжих) праздниках и о форме их проведения, о родственных связях между жителями мезенских деревень; приметы, поговорки, фрагмент сказки. О животных – собаках, лошади, коте – автор пишет с большой теплотой и уважением, как о членах семьи.

Когда наступает весна, мы остро чувствуем каждый знак ее приближения, постигая северную привычку радоваться редкому теплу, солнечным дням. Но всё же основные темы этого текста – печаль угасания, старости, расставания с близкими, их уход и память о них; прощание с людьми, с озером, рекой, лесом, колодцами. И всё это созвучно описаниям осенней природы.

Автор почти всегда пишет в настоящем времени, отсюда возникает ощущение сиюминутности описываемых событий и доверие к тексту.

По отношению к каждому дневнику встает вопрос: для кого (или для чего) он создавался? Кто адресат этих записей? Иногда в дневнике содержится лишь краткое перечисление событий и фактов, без какого-либо их эмоционального переживания. Такие дневники пишутся для себя, и в них на первый план выступает мнемоническая функция. В других случаях очевидно наличие воображаемого читателя. Автор такого текста постоянно обращается к нему, пытаясь представить себя в наиболее выгодном свете, постоянно играя роль более значительную, нежели та, что отведена ему в реальной жизни. Дневники-исповеди, дневники-«зеркала», дневники-послания будущим поколениям...

¹ В настоящее время эти материалы хранятся в Фонограммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, фонд ОКМФ, папка 95, л. 1–73.

Пытаясь определить адресата тетрадей Т.Ф. Ханталиной, неожиданно приходишь к мысли, что она писала просто потому, что не могла не писать. Она была не просто грамотным, но более того – литературным человеком, владела даром образного слова. Происходя из рода мезенских сказителей Поздяковых (Поздняковых)¹, Татьяна Федосеевна и сама владела искусством сказывания старин, знала два сюжета: «Пир у князя Владимира» и «Алеша Попович и Тугарин». Другие члены ее семьи также не были лишены склонности к писательской деятельности: в дневнике есть страницы, написанные рукой старшего брата Петра и внучки Нины.

Видимо, перед нами яркий и по-своему уникальный пример того, что подлинный талант не может не реализоваться, даже в таких условиях, когда, казалось бы, для этого нет возможности.

ФРАГМЕНТЫ ДНЕВНИКА

ТАТЬЯНЫ ФЕДОСЕЕВНЫ ХАНТАЛИНОЙ²

[1.]

3 июня. Адольф и Рая уехали в Ленинград, а мы с Анютой живем у Агрипины в горнице, комаров нету, спим в припоне, купаемся, очень жаркая весна. Витя у дедушки Петра.

5 июня мы чаю попили, и пошел дождь. Поливает из ведра, землю ровняет. Я присмотрела на холме маленькую лиственушку, кругом её обвела железной лопаткой. Этот клоч с землёй принесли с Игорем Чуркиным на носилках

¹ От родственников Т.Ф. Ханталиной, представителей семьи Поздяковых (Поздняковых) в 1928, 1958, 1976 и 1984 гг. А.М. Астаховой, Е.В. Гиппиусом и З.В. Эвальд, Н.П. Колпаковой, В.В. Коргузаловым и Ф.В. Соколовым, Г.И. Трубицыной и Е. Калакуцкой была записана 21 старина. См.: Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах»: Былины Мезени. Т. 3. СПб.; М., 2003. №№ 48, 72; Т. 4. СПб.; М., 2004. №№ 128, 133, 133а, 136, 137, 156, 161, 162, 227; Т. 5. СПб.; М., 2006. №№ 229, 246, 270, 295, 304, 328, 349.

² При публикации записей Т.Ф. Ханталиной орфография оригинала полностью сохранена, лишь в некоторых случаях для облегчения восприятия текста в квадратных скобках сделаны вставки пропущенных букв, а также слов. Сокращения также раскрыты в квадратных скобках. Пунктуация подверглась незначительной правке: запятые и кавычки расставлены без специальных помет; остальные знаки, вставленные в текст публикатором, даны в квадратных скобках.

и посадили в садик. Я хочу, чтобы эта лиственушка выросла большая. Я Игорю Чуркину сказала: вот Игорь, эта твоя обязанность: смотреть за лиственушками, которые растут на холму и здесь. Храни, потом будешь приезжать из города, лиственушки выростут.

8 июня идет снег; север; так холодно. Вода на реках Вашк[е] и Мезени идет на убыль. Идет на убыль очень ходко, и я очень рада этому. Хотя столбы останутся. У Агрипины все столбы подмыло, один столб уже подмыло и понесло. Я его поймала, и не знаю, как его укрепить – берега нету. Я на верёвочку; нашла проволоку и укрепила; грядку картофеля посадила; сегодня вымыла каридор; так устала, но ладно, пролежусь; еще приезжала в Нисогору с Анютой.

Запись рукой П.Ф. Позднякова¹: Вода в реке Мезени начинает спадать. Всё же как жалко бедняжек зайчиков, в связи с большим паводком много зайчиков погибло, которые не могли уйти в лес.

Продолжение записей Т.Ф. Ханталиной: Петр, прошу тебя, я еще свою запись не кончила, а ты про каких то пишешь зайчиков, написал, что не разберёшь. Я хочу писать о росаде². Мы еще ходили на холм, принесли две ёлочки маленькие, меньше лиственушки, рост их с четверть с корнем. Я их поливаю каждое утро. Чтобы скорее росли.

[2.]

24 марта [1966 года] Толя³ придумал ехать в Нисогору, говорит Толя мне, мама едем в Нисогору. Я говорю[:] нет, у меня обряжанье, коровушек надо кормить и доить. Потом я сказала[:] поезжай, я обряжусь. Вот мы и поехали на мотоцикле, а я на санках с заду, так хорошо быстро. Но вспомнила Аркадия⁴. Если бы он был жив, и очень был [бы] доволен, что мы имеем такую машину свою. Так мне жаль его молодых годов. Приехали к Пети, Фима⁵ не видела, мы проехали рекой.

25[-го] пьём чай, приходит женщина, говорит[:] Толя, вас к телефону, Лешуконское звонит. Лия⁶ говорит[:] Толя, Юкона застрелили у конюшны. Толя

¹ Старший брат Т.Ф. Ханталиной, проживал в Малой Нисогоре.

² Видимо, «о росаде».

³ Сын Т.Ф. Ханталиной.

⁴ Старший сын Т.Ф. Ханталиной, умерший в молодом возрасте.

⁵ Старшая сестра Т.Ф. Ханталиной Афимья Федосеевна.

⁶ Невестка Т.Ф. Ханталиной, жена ее сына Анатолия.

садится на мотоцикл и едет. Как и кто, и шкуру снял с Юкона, какая была красивая его мордочка, всем нам жалко.

Приехали домой 26-го Алик и брат Петр. 26-го первая оттепель, бежат потоки, я топлю баню.

29[-го] Александру Петровичу Позднякову¹ день рождение с 1925 года 29 марта.

30[-го –] Алексеев день[.] солнца нет, а тепло, потоки бежат. Я и Нина срывали снег со старой избе с крыши. Я еще заходила по новой крыше, прошла по старому сараю до Марфыной крыши и срыла снег от дымохода. Смоленская щелья² начинает пестреть, гребни щельи оголились от снега.

1966 года 1 апреля. Сего дня приметный день[:] чтобы был тёплый, курочка напилась воды вдоволь. В этом году не то что курочка напилась, коровушка напьется досыта воды. Солнечный день, теплый[.] так хорошо ходить по улице, подметать горку, снег с дороги и с мос[т]ков.

2[-е.] как быстро тает снег. Топлю баню. Везде лужи, воду беру в баню из борозны на поле, у самой бани. Щелья Смоленская уже красная местами.

3[-е.] скворцы прилетели.

5 апреля Анисья Филип[п]овна Пескина в 2 часа дня скончалась после продолжительной болезни, 78 лет со дня рождения.

6[-е.] Толи день рождение. Я купила рубашку в клеточку цена 9р. 60к.

Анисью похоронили 7 апреля, в Благовещенье.

8[-го] идет дождь, снег гонит с земли.

10 апреля. 1942 года 10 апреля помню я этот был прощальной день, провожали мы нашего хозяина дому, мужа и папу нашим детям. Их было трое[:] Аркадию 13 лет, Толи 5 лет, Людвии два года. Фёдор запряг лошадь Орлика

¹ Племянник Т.Ф. Ханталиной, сын ее брата Петра.

² Щельей в Лешуконье называют крутой берег реки. Смоленская – возле деревни Смоленец, на противоположном от Лешуконского берегу Мезени.

*в зелёную повозку, под[ъ]ехал ко крыльцу, распростился с детьми, сказал[:]
ждите дети папу с победой домой. Вот так мы и ждём.*

*Заболела Люда 1943 году, 1 октября скончалась. Победа была [в] 1945 году,
а мне пришла похоронка из Ленинградской госпитали. Ваш муж Фёдор
Филиппович умер 22 июня 1945 года.*

Я дожила до 1961, заболел сын Аркадий, 32-х лет, 5 августа и умер.

10 апреля крепко заморозило.

*11[-е.] метель, ветер север. Жаль скворцов[:]
рано прилетели, могут замерзнуть,
голодные, есть хотят.*

*До 19 был холод, 20 потеплело. Так немного на солнце пригреет, а вечером
морозит.*

*23[-е.] суббота. Я немного постирала, ходила на прорубь полоскать и с про-
рубями простилась, в этом году не приду полоскать рубахи. Проруби не разли-
лись, а ручей бежит. Иду топить баню. Собачка Шейка опят[ъ] подстрелена
в горло, нету голоса лаает. Толя начинает шить маленькую лодочку. Собач-
ка Шей[к]а ноября 12 родила 6 щенят. Один кычан, 5 девок. Четырех Толя
выбросил, двух растим, еще есть кот серый Ромка.*

*1 мая. Был день 1 мая очень хороший. Солнце, тихо, ветра нет. Ходили на
демонстрацию и провели праздник хорошо, спокойно. Вечером были в гостях
у Клакотовых [-] Дмитрия, Шуры.*

*Второго я топила баню с утра. Заболела Марфа и Светка. С утра был день
хороший, немного дождик, к вечеру опять задул север.*

Все дни был холод, ночью заморозит, днем часа на 3 оттеплит, до 5 мая.

*5-го с полдня ветер, дождик со снегом. Толя идёт в отпуск на 12 дней, а я се-
годня болела весь день, лежу, к смене погоды.*

*5 мая, этот день примечают, Егорьев день, мороза утром нету. Надо пом-
нить, будет ли еще морозы-утрен[н]ики. Если в Егорьев день утренник мороз-
ной, то еще будет 40 утрен[н]иков. Правда, в Егорьев день утром был сырой
снег. В полдень сменил ветер, задул север и заморозило.*

*7[-го] приоттепло. Толя, Иов и Сенцов Н.О. ушли за утками на Пожу, взя-
ли Шейку, Катьку. Заберегу¹ переходили против волоского косика и пошли
стрелью до хлебов колхоза. Вот так.*

¹ Заберега – очистившаяся ото льда полоса воды около самого берега.

9[-го] ночью охотник пришел домой, не то что принести уток, а наш охотник даже яйца домой не принес. Повесил на тёлку на сук <?>. Вот как продёрнули, опять ушел.

10 мая новой маленькой лодочкой проехал по льду. Лодочку тащил через плечо веревкой.

В прошлом году 1965 10 мая был полный ледоход, а в этом году 1966 хорошо идут по льду, только небольшие забереги.

14 мая в 2 часа дня на Вашке была подвижка льда.

15[-е.] так медленно идет, вода малая. Толя уток настрелял мало, всего 10 штук, из них два чирка, а остальные утки.

В этом году вода в реках очень большая, такой воды наши деды не помнят, да правда их у нас и нет. Были когда-то. В щельях все бу[д]ки¹ затопило у нас в Лешуконске, а в низких деревнях, как в М[алой] Нисогоре, полдеревни в воде. Был случай такой в Нисогоре. Была троица праздник. Шли ребята вдвоем, им уже по 18 лет, пьяные шли по горочке, придумали рвать ребиновую ветку. Один Вася спустился пониже. Оборвался корень, и Вася упал в воду и утонул, как ключь ко дну. Васю прибило в лески, он обсох, похоронили.

[3.] ЗАПИСЬ ФРАГМЕНТА СКАЗКИ

...Жили-были в деревне мужик, ж[о]нка и два парня, Петрушка и Алешка. Подошел месяц декабрь, а у них на зиму дров мало запасено. Говорит отец ребятам[:] пойдете завтра в лес дрова рубить. Пораньше утром встали, мать скипетила чигун в печке, не много было житьних сухарей, паели и остался старый житьник. Взяли [с] собой в лес, пошли по дорожке к ручью березову, где у них был сенокос. Начинают рубить ёлку одну, другую, пошло дело.

Декабре-то месяце дни стали короткие, начинает темнеть, от дому ушли далеко. Немного подошли, и уже стало темно. Говорит отец ребятам[:] некуда нам в темень не у[й]ти, будемте, ребята, искать ёлку погуще и проведем ночь под ёлкой. Плохо дело [-] спичек нет, отец не курил табачек, только один житьник в пазухе. Розломили на всех, с[ъ]ели кусочек, пуще замерзли. Говорит Петрушка[:] батька, я побегаю по лесу, может, найду где ли огонёк. Пошел Петру[шка] по лесу, не так долго ходил Петрушка. Вдруг что то где то осветил огонёк. Петрушка прибавил шагу, замечает от ёлки до ёлки, видит[:] стоит избушка, огонёк горит, зашел в избушку, видит[:]

¹ Сарай на берегу реки, в которых хранят всё необходимое для лодок.

на печке лежит старик, у него нос в потолок врос. Это был самый леший, спрашивает леший мальчика[:] щё тебе надо, парень[?] Мальчик говорит[:] дедушка, дай нам огонька. Огонёк? Скажи сказку не былая не былица. Ладно, деду[ш]ка, я буду сказку рас[с]казывать, только на том угово[р:] меня не перебивай, п[о]ка сказку до конца не скажу. Ладно. Начинает Петрушка рас[с]казывать сказку. Перебьеш[ь,] то я забираю твоё богатст[в]о и огонёк.

Слушай, дедушко, у нас была семья большая, нас было семь ребят, мать восьмая, и [у] нас ещё родился отец девятый, а в деревне у на[с] не было церьквы и нету п[о]па, а надо ехать крестить отца. Церьковь была за морем. У нас была кобыла, масьт[ь]ю голубуха. Слушаш[ь,] дедушко[?] Слушаю. Я запряг кобылу в большия кресла, ребят посадил, и мать села, отца [на] колени взяла, дала ему соску. Отец лечкат соску. Вот мы и поехали. Дорога далеко, надо кругом море об[ъ]езжать. Дедушко, слушаш[ь?] Слушаю. По селу едем, приехали к церькви, нашли попа, окрестили отца и поехали обратно. Едем селом, слышу, говорят бабы[:] вот у нас нету здесь комаров и мух. Мы бы за мушку дали бы телушку, за комарка дали бы бычка. Я выслушал, скорее поехал домой, для отца повесил зыпку на очепу, матери качает отца...

[4.]

17[-го марта] тепло, сырой снег, потоки бежат.

18[-е.] Тепло, сырой снег.

19[-го] тоже.

20[-го] немного приутенуло [?]¹. Я ходила в конец [на] горку к Маше Алекс. Сохачевой[.] у ней приехала мама, Анна Андреевна, и Маша дала сшить мне платье, штапель, на день рождения. Подарили сват и сватья Поля и Иван Як[овлевич]. Толя ходит на курсы. Лия почту возит на лошадке в Кельчемгору, Нисогора, Березник. В гостях были Петр и Альберт из Койнаса.

21[-е,] воскресенье. Был праздник [-] проводы Рус[с]кой зимы. Мы пошли уже поздно, мылись в бани[.] оделись [-] я, Лия и Нина² [-] в прежних сарафанах. Лия за пляску [-] премия главная, чашечка.

24[-го] уехали в Нисогору с Ниной. Лия повезла почту в Кельчемгору.

¹ Возможно, «приутянуло», «подмёрзло».

² Внучка Т.Ф. Ханталиной, дочь Лии и Анатолия.

30 марта Толя и Лия вечером приез[ж]али за нами, у Агрип[п]ины пили чай[.] был Петр, Дуня, тетя Фекла. Тетя Фекла принесла бутылочку, Фима подала по стакану брашки¹. Поехали домой, девочки, подружки Нины, [-] Нина Чуркина, Лида, Люба [-] провожали Нину. Ехали лесом, я [и] Нина пели песню («Среди долины ровныя на гладкой высоте»).

1 апреля. Курочка не напилась, но был холодный ветер, север.

2[-го] холод.

3[-го] ветер север, холодный, температура 15 г. мороза.

4[-е,] воскресенье. Далее запись внучки Т.Ф. Ханталиной: Мы будем пить утренний чай. Дядя Толя спит. Ночь пробродил, нам спать никому не дал. Мама печки топит, а мы с бабушкой в дневник пишем.

Продолжение записей Т.Ф. Ханталиной: 4 апреля в 4 утра я встала, самовар на печь поставила[.] время уже 5 часов утра. Толя встал и Лию будит[:] вставай чай пить, мне сегодня день рождения. Мы садимся за стол, Лия Толе дает подарок [-] шолковую бурую рубашку, а мне нечево, Нина [в] стала тоже без подарка. По рюмочке вина выпили, Лия пошла на ферму. Я очень болею, сухой кашель горло дерёт. Толя принёс горчишник таблетку из аптеки. Вечером пришли Адольф с Раей, потом Толя пригласил Ивана [и] Павла. Толя принес гармошку, устроили небольшие именины, но веселые. У меня свареная брашка, пьем да хвалим. Паша заиграл кроковьяк, я по прежнему стонцевала одна.

7-го день был такой[:] снег, ветер, вьюга с севера.

11[-е,] воскресенье, немного потеплело. В бани помылись, был Адольф и Рая, тоже мылись. Выпили вина 4 бутылки, пьяны не были. Вино вермут. Мне принесли пенсию 12 руб.

19[-го] я хожу в Верхней² в няни. Няньчусь с Игорем, Нины Фёдоровой мальчик, очень забавной, такой крепкий. До 30 апреля.

22[-го] прилетели скворцы.

¹ Бражки.

² Один из «концов» села Лешуконское.

1 мая[.] Праздник. Получила проздравительную открытку от сестры Афимьи, а сама никому не написала. Погода стоит очень холодная, ветер север.

2[-го] еще холоднее, навело такая сумети¹, из комнат всё вынесло тепло.

4[-го] еще ходила в Верхней, до 8 мая.

9[-го] ходили на кладбище к Аркадию и проводили Ивана Дан[иловича] Осипова. Толя ходил за утками, одну утку застрелил из нового ружья двухствол[ки].

10[-го] три утки принёс. Погода сменилась[:] дождь, но еще лёд стоит утром. В 2 часа² дня 10-го [-] подвижка льда.

11[-го] на реке ледоход. В этом году Т[о]ля уток мал[о] подстрелил, только 6 уток. Рыбы уловил килограмм[ов] 10.

12[-го] я была на фермы. Весна очень суровая, ветер север, каждое утро мороз. Холодно, бу[д]то и не весна. Луг весь побелел от мороза. Скворцы из скворечников не выглядывают, может быть, все замерзли. Трава плохо растёт.

15 июня была Троица, мы с Ниной были в [неразб.]тицы, погостили хорошо. Пришли [назад] на теплоходе [в] 6 утра 17 июня и пошли козочек кормить на поле. Толя ездил в Палугу на 40-й день Нюры. С начала весны дождя совсем нет, немного побрызнуло, на ветру всё разнесло.

22[-го] солнце плохо греет, тепла никак нет.

25[-го] сестру Фиму провожаю в Нисогору, никак больше не гостит. В Нисогоре гостит Александр Петрович [-] хорошо встретили, много было гостей, много песен пели старинных по просьбе Александра Петровича.

30[-го] Толю ждём домой с рыбаками из Кимжи. Нина в лагерях в Ценогоре.

14 июля Толя приехал, наловили рыбы 3 ушата на дв[ои]х. Рыба харьюс и щука. Петр и Александр были в Койнасе. Приехали обратно, были у нас, погостили до 6 часов вечера, уехали в Нисогору.

¹ Возможно, от «мести», «метель».

² Часа.

25-го первый день нет дождя, солнце проглянуло к вечеру, пригревает. А ветер север всё еще не здаётся, злится на лето. Две недели был дождь, сильный холод. Жду Нину из лагерей, 26-го пойду встречать на аэродром.

28[-го] Нину встретили на самолете. В 7 часов вечера Толя встретил, а я уже была на теплоходе, Нина тоже [-] на теплоход и к празднику в Нисогору, Кирикову дню.

30[-го] Александра спровадили в Лешуконское на лодке, дядя Петя и Дуня, а мы с Ниной остались мох драть красный. Первый день ходили тетя Павла Семен[овна], тетя Фекла Филип[повна]. Ездили на лодке в курью, ручей Семин.

31[-го] надрали 26 медведков¹ [мха], а 1 августа мы драли с Ниной 40 медведков.

2 авг[уста]. Я драла одна 10 медведков, и вечером 2-го уехали в Лешуконско[е] на катере маслопрома на Ильин день Лето очень плохое, день хорош да 3 дня дождь. Толя перебирает пол в третьей комнате, с Адольфом ставили стойки и подводили брусья под балки. Мох доста[ви]ли домой [-] три лодки и два мотора. Забрал дождь, едва приехали. 12 часов вечера.

9 августа с Ниной ходили в остров за грибами, обабки по корзинке.

10[-го] принесли по большой корзине, насобирали грибов меньше. Толя уехал на рыбалку в Кимжу с Адольфом, и весь день дождь.

12[-го] ходила за грибами на бор по дороге в Оськино. Ушли по едомской дороге.

13[-го] тоже ходила в остров за черницей. Дождь, все промокли, ничего не набрали.

15[-го] Нина и Лия ходили за грибами.

16[-го] за грибами тоже заходили на Верхней бор. Мало обабков, пошли обратно и в обратной путь бором принасыбрали грибов возле осека едомского, набрали полные корзинки с Милей Поздняковой. Дома что-то все кости заболели. Пошла с Ниной в магазин, и купили резиновые сапоги 35 размер [-] 7 р. 85 к.

¹ Медведка – ручная двухколесная тележка для перевозки мелких грузов.

17[-го] ходила себе за сапогами. Не завезли, машина поломалась.

20[-го] купила сапоги литые размер 38, цена [-] 7 руб. 20 коп.

21[-го] пошла за грибами на Верхней бор. Солю, не очень хорошие.

24[-го] придумали ехать на ночь с Иовом [-] Клава, Толя и Володя. Вот поехали, я думаю, где дорога на Усольево. Иов так говорит[:] дорогу пройдем, ночуем, вы будете отдыхать, мы с Володей сетки поставим. Завтра я вас провезу на бор, вы будете грибы собирать, а мы по охоте.

[5.]

24 сентября 1969 году.

Едем с Толей на рыбалку вверх по Мезени, по речке Кыма. День едем, 24-го ночевали на лугу чучепальском в избушке, затопили печку. Чаю попили, легли спать, я немного спала. В 3 часа опять печку затопила, чайничек skipетила, Толю разбудила. Ждём рассвета, часики тикают, лампочка горит без стекла, Соболь и Тобик на сенях сторожат.

25[-го] едем дальше[.] деревня Ус[ть]-Кыма, Чухари, Толя пошел в магазин взял хлеба, сахару, консервов две банки, спирту, и заезжаем по речке Кыма (по Кыме 85 км). Вдали увидели холм, поля, дер. Жители¹. Какая красота! Потом заезжаем [-] речка Онера. Едем по Онеры. Толя присматривает, где то избушка, там живет охотник Иван Сергеевич. Начинает темнеть. На берегу стоит лодочка. Вот тут избушка, избушку с речки не видно, можно проехать мимо. Толя пошёл узнать, кто есть. Жду долго, потом стала его кричать. Пошли [на] гору в избушку, а там сидят мужики, глядят на нас немило, так мне стало страшно; мужик тёмный, его звать Варфаламей, из Койнаса. Они нам говорят: зря ёдите, вам нечего не наловить, у вас сетки мелки, а для сигаев сетки надо крупные, да еще старуху везёшь, что ли на смерть? Вот у меня и заболела головушка, хоть обратно поезжай, так стало грустно, но Толя поднял дух. Ничего, поедем за сигаами.

26-го[.] вот уже проехали 10 км, еще 20 по Онеры, заезжаем в Виску. Ой, боже, всё пороги, на пути большие камни, вода идет как со звоу, у меня нету могуты. Давай, Толя, пить чай и ночевать на чём, хоть у ёлки. Неприятно на кряжках лежать, лучше всю ночь костер жгать, весело с огоньком.

¹ Название деревни.

Вот и Виска, до озера 40 км. Виска извилинами, часто у мотора винт набирает траву, надо разрезать ножём. Вот уже виднеется болото. Толя говорит: мама, осталось до озера полкилометра[–] но я не верю. Когда увидела озеро, тогда то я и поняла, что доехали. Солнце уже садится за лес, а озером над ехать 5 км [–] избушка на другой стороны. Переехали озеро. Вышли на берег, пошли в гору. Подхожу, вижу [–] стоит крест, у самой избушке, избушка старенькая. Много лет этой избушки. Встречает нас собачка Дамка Виктора Листова, а рыболовы еще на озере. Приехали, поздоровались с нами. Павликов[:] ой, тут лешукана, обратил внимания больше на меня. Ну как чувствуешь, а я говорю[:] хорошо. Вот так и начинаем жить да поживать, да рыбочку ловить.

28[-го] ездили на озеро, ставили сетки.

29[-го] едем облавливать сетки. Под[ъ]езжаем к первой сетки. Попали сиги, 12 щук, налимы, яльчики¹, окунь, и всего 8 килог[раммов]. Приехали[.] Толя чистит рыбу, попили чаю, стали топить баню. Я топлю, а Толя на улице греет воду, навесил три чайника и ведро, нагрели воды много, холодной наносили в баклашку. Пошли мыт[ь]ся [–] Павликов Н.А., Листов Виктор и Толя. А я уже пошла темненько, взяла лампу, Соболя и Тобика, они охраняют меня. Потом пришел Толя[:] мама, я здесь буду чайник греть, пока ты мойся. Ладно, Толя, я не боюсь. Так хорошо намылась, такая мягкая водичка, ой как хорошо. После бани [–] жареной рыбы, сиги, чай, и все легли спать. На лавочке, скамеечка вдобавок. Тепло, печка без вывода, по-черному. Надо привыкнуть.

30-го утром включили радио. Узнали, какое число и какой день [–] вторник. Поехали по сеткам ловить рыбу. Под[ъ]езжаем к берегу, а собачки бежат нас встречают и прыгают в лодку, Соболя и Тобик. Как бу[д]то думают, что мы приехали из Лешуконска с какими ли новостями. Потом я стала стирать своё бельё. Старин[н]ое корыто коротенько и мелко, но можно постирать. Из ручья вода очень мягкая, немного мыла помылиш[ь,] так вода будет с пеной. Меня так диво берет, как бу[д]то щелок. Смотрим, по озеру идет лодка. Наши мужики подумали, что едут рыбнадзоры. Пошли узнали, кто приехал. Приехал Опарин Никандр, Калмаков Анд[рей] Анд[реевич], они жили в бани.

1 октября. Я вспомнила свою доченьку Людвию, 3-х лет она умерла. День рождения 1940[-го], 7 января. Погода сегодня похолоднело. Ловим сетки на озере, ветерок сильнее меня, лодочку направляет, как ему надо, а я тоже направляю в руках своим веслом. Ветерок наносит лодочку на сету, а нам надо возле

¹ То есть ельцы (вид пресноводных рыб).

сетки. Анатолий на меня крикнет[:] бу[д]то не можеш[ь] держать[!] У меня силка слаба, я и молчу. Потом вижу на болоте что-то белеет и бу[д]то бы шевелится. Я говорю[:] Толя, это что там, кто? Толя [в]зглянул и говорит[:] олень белый, повернется нам тем боком и другим. Такой красивый, глядит на нас. Приехали к избушке, приехали Павликов и Листов, тоже говорят[:] мы видели два оленя. Наши охотники и поехали стрелять. Уехали, и долго нет, стал темнеть. Мы с Павликовым говорим[:] наверно, подстрелили и обрабатывают. Едут по озеру. Ну как ребята, с мясом? Нет.

2 октября. Привезли рыбы немного, килограмм[ов] 9, наш улов скуп. 12 часов дня будем обедать, свежая рыба очень вкусная, накормила бы вас всех, но все далеко от нас [-] за 300 километров.

3 октября. Улов наш мал, на озере сильный ветер. Правда, причина у нас такая, мало сеток крупных, сетки у нас мелкие. Хорошо сигов ловят Павликов и Листов Вик[тор]. По 60 сигов привезут. Мы уехали из дому 10 дней [назад].

4 окт[ября] привезли мы рыбы еще меньше. Павликов Николай Ал[ексеевич] говорит Толе[:] Толя, ты всю свою рыбу соли, а мы будем варить из нашей рыбы, нам хватит. Он нас пожалел, что у нас мало рыбы попадает. Толя попросил у Павликова сетку, хотя плохую, половить рыбу. Павликов дал сетку. В 5 часов вечера Толя поехал на озеро ставить сетку на сигов. Я одна дома, включила радио, так как радио [в] последний раз. Павликов и Листов собираются домой, все ложат в лодку, утром едут. Я смотрю на озеро [-] оно такое широкое. Взяла карты, играю одна в зеваку.

5 октября рано утром я вскипетила чайничек на улице, стали пить последний чай. Друзья поезжают домой. Мы пошли их провожать, в лодках было очень грузно. На ночь перешли к нам из другой избушки Калмаков А.А., Опарин Н.М. Их собаки наши не пускают к избушке, дерутся.

6[-го] едем по озеру, нам в сетку попали две утки, а внизу сиг. Сегодня нас подвесило¹. Рыбы 15 кил[ограммов,] и три утки подстрелил Калмаков. Варили утки, перепекали хлеб очень мягкий, вкусный.

7-го, в понедельник, день был очень замечательный, теплый, на озере тихо, ветра нет, любо смотреть на озеро. Таких бы 5-ть деньков, тогда и мы наловили [бы] сигов, а то гляди, и озеро застыгнет ледком.

¹ То есть нам повезло.

8 октября, среда, Лиш день рождения. Мы [в]споминаем. У нас, наверно, пьют вино без нас.

9-го ночь была очень суровая, идет дождь, снег. На озере бушует ветер. Едем ловить сетки. Я оттолкнула лодку от берега, а Толя не может завести мотор. Я в гребки, вот и гребу, сколько есть сил, а волны бушуют. В том хорошо, что у нас большая лодка. Обловили сетки, поехали к избушки опять на гребях, а берег высокий, у берега глубина, волны в берег бьют. Доехали.

10 октября, пятница. Снимаем сеточки, собираемся в путь.

11[-го,] суббота. Всё собираем, все свои пожитки, кое что насобиралось. Мотор Вихрь стал барахлить, горя хотя сколько, как поедем озером[?] Занес Толя мотор в избушк[у], перебрал, да еще к тому же у Толи болит у руки палец. Наколол окунем и заболел. Этот палец не дал 5-ть ночей спать.

12[-го,] в 3 часа утра, я грею чай, всё уже было в лодку погружено. Попили чайку, поблагодарили избушечку и пошли в лодки, в 5-ть часов утра поехали по озеру. Мы были довольны, что у нас Вихрь заработал. И наши друзья едут вдруг. Я была довольна, что товарищи хороши, нас не оставят в пути. В 6 часов заехали в Виску. Все мы поблагодарили ценогорское озеро, попрощались, поехали по Виске. А по Виске ехать [-] вытяни на нос коромысло¹. 40 километров Виска, я еду и пою песню, на кормушке сижу: «Ценогорская Виска быстра, по ней лешуконская бабка плыла». Виску проехали на свету, еще 20 км до избушки, там живет охотник, рыболов Иван Сергеевич. Едем по речке Онеры. Очень темно, только видно лес и небо. Я так уныла, и очень мне был[о] грустно. Только сижу на кормушке, весло не держу, а Толя от озера и всё стоит в носу с шестом. Так сказали мужики[:] ночевать в лесу не будем, бабка замёрзнет. Едем, ждём, где ез². А ез далеко, от еза до избушки идти тропинкой полтора километра. Доехали, поставили лодки. Толя меня вывел на дорожку, по которой днем идти усталому человеку трудно, а не то темно.

Толя мне дал колышек подпираться, меня покидывает в сторону. Я говорю[:] «Толя, дай мне другой колышек». Я с двумя колышками и дошла [-] где паду, а где и ползу. Толя фонариком светит, дошли до избушк[и]. На улице огонёк, чайничек греется. Здра[в]ствуй, Иван Сергеевич, ну [-] я говорю [-] дальше не поеду, буду жить у деда. Когда ли выедем на Русь[?] А Иван Сергеевич

¹ То есть очень далеко.

² Ез – пережат, мелкий участок реки, где в прежнее время ставили изгородь во время нереста рыбы.

говорит[:] у меня есть мука, будем хлебы пекчи. Потом так сказал[:] нет, ты мне не надо, у меня дома есть старушка лучше тебя. Да хотя еще тебя домой везут жить, а я думал, что тебя на смерть везут. То хорошо ты еще жива, поездай домой. Как все засмеются[:] ха-ха. Будем пить чай [-] дед гов[о]рит, [-] так приехали гости, тогда надо поставить стол. Из под лавки берет доску, один конец ложит на лавку, а под другой конец деревян[н]ые вилки, вот и стол. Я и говорю[:] в магазине продается мебель, и есть раздвижныя столы, у тебя, Иван Сергеевич, тоже раздвижной. А Никандр Максимович говорит[:] а у него стол раскладной. Да как все засмеемся, а Толя меня заругал[:] Молчи, горё, еще смеят[ь]ся надо тебе, ожила. Опять смех. Вот такое дело было. Чаю попили, стол опять в подлавку. Легли спать на пол мужики, но Толя сидит с большим пальцом, как бу[д]то нас всех охраняет. Я лежу на лавочке, тоже переживаю. Я чувствую, что ему очень больно.

Утро 13-го [-] все встали, чаёк попили, пошли к лодкам. Надо проехать ез. Я осталась с собаками. Под[ъ]ехали, я в лодку [-] едем по речке Онера. Онера впадает в речку Кыма. Кыма очень широкая, но мелка, очень много порогов. Мотор Стрела, часто шпонки рвутся. Неловка Кыма. Едем, видим, опят[ь] виднеется холм, поля, деревня Жители. У меня очень замерзли ноги. Мы пристали [к] берегу и пошли в гору в магазин, а я к продавцу на печку. Пили чай, кушали суп и щуку. Хозя[е]в звать Кирин Валентин и Кирина Нина. У них трое детей [-] Маринка, Коля, Лариса. Распростились, поблагодарили, едем домой, в избушку ночевать. Истопили камену [-] стало тепло. Спали очень хорошо.

14-го едем, проехали Кыму, река Мезень, деревня Чухари. Толя поставил Вихрь. Еще ночевали в избушке на лугу.

15[-го] из Конне[ц]щелья и через 4 часа в рвы¹ приехали. Я еле не замерзла насмерть, да опять отогрелась. Не судьба в пути кончит[ь]ся.

[6.]

28 июль [1969 г.] Кириков день в М[алой] Нисогоре, а мы с Афимьей² в Лешуконске об[е] болеем. Афимья часу не живет, везите меня в Нисогору. Сего дня 1 августа, завтра Ильин день. Время погоды стоит холодно. Север, как милый друг, дует без конца, морозит северян. На полях ячмень не выколосился и нет еще оси³. Картошка не на цветах, жарких дней нет.

¹ Окраина с. Лешуконское.

² Старшая сестра Т.Ф. Ханталиной.

³ Нет ости, то есть тонких заостренных отростков на колосках.

2 августа. Утро[м] с сестрой Афимьей проснулись рано, её беспокоит болезнь, тоскует по дому. Горюет по молодушке Агрип[п]ине. А меня беспокоит кашель. Включила в розетку самовар, заварила чайничек, в третью комнату принесла чай и остальное, что надо к чаю. Начинаем мыт[ь]ся[:] руки, лицо, шею, а потом сели чаек пить. Печку затопила, будет тепло.

Потом мы с Афимьей поехали в Нисогору. Афимья довольна, что дома. Когда я поехала домой в Лешуконско[е,] то Фима опять плачет[:] я поеду с тобой. Вот так живет без памяти.

В октябре я ездила в Юрому с Настасией Димитриевной Чуркиной. Она живет в Мезенском р-н[е], деревня Совполье. Мы были в Бугаве, посмотрели Катерину Федоровну. Старушка 90 лет, в Юроме у Татьяны Андреевны. Всех посмотрела, у всех погостила. Попутно привернула в М[алую] Нисогору, там ходили в лес за грибами. Мне что то ходить в лесу тяжело, мало несу грибов...

<...>

1970 году, 28 февраля, сестра Афимья Федосеевна скончалась в 2 часа 15 минут. Похороны были 3 марта. Много было родни, провожали Афимью [в] последний путь. Я просила Толю сделать на могилу Афимьи оградку, хотя поставить столбики. Не находит время, не свободен.

[7.]

1970 году, 27 июля. Заходит к нам в комнату Татьяна Филипповна Тушина, Павле Семеновне дочь, которая живет в г. Северодвинске. Она ехала морем и была в Каменки у тети Василисты Семеновны. Василиста Семеновна старенькая, не видит свету. Послала мне подарки[:] беленький платочек, свечку и 3 руб[ля]. Василиста Тани сказала так[:] передай Татьяны Федосеевны деньги, я ей должна. Когда то мы брали мурошку, когда мы жили в Каменки. Ездили за мурошкой по речке Выя 40 километров. Я не могла считать Василисту Сем[еновну] должной. Эти подарки я приняла и буду писать ей письмо, буду просить извиненье.

28[-го –] день Кириков и Улиты, в М[алой] Нисогоры праздник. Я что-то не уехала. Сестры Афимьи нет в живых, брат Петр есть. Я тогда поеду, когда вырастут грибы [-] волнухи, ягоды. Нина уехала в Нисогору к празднику, к Кирикову дню. В этот день я ходила проститься с Марией Димитр[иевной] Назаровой, она умерла 27 июля. И была я у сватьи Поли, пили чай, у Веры Кузьминой. Пришла домой, скучновато.

1 августа. Чудное лето, не ожидали такого лета. Температура 25, 30, 33, на солнце 40 г[радусов] тепла. Так говорили[:] после високосного году три года

будет плохое лето, а в этом году два года неурожай¹ ячменя и невыцветка цветов на картошки. Почему то не по сказкам идет лето.

[8.]

1970 году, 19 сентября. Анатолий уехал на ценогорское озеро, купил мотор Ветерок, взял лодочку полегче у Дерябина П.И., поехал один.

21[-го] получила телеграмму из Москвы от Поздняковых. «Встречайте 22[-го] днем. Саня, Вита». Вот и пошли встречать[:] Петр, Рая, я, Ксения Данил[овна]. В 4 часа вечера пришли к Адольфу, пили чай, делали встречу с вином. Уехали в М[алую] Нисог[ору], у Агрип[п]ины тоже были гости[:] Лида, Саша и Танюша из Пудожа. Время осени [-] очень дождливая, на дорогах много грязи, первый был снежок 29 сент[ября].

7 и 8 ок[тября] были заморозки.

12 октября Толя приехал с озера, наловил рыбы сига два бочёнка.

1970 году, 24 ноября, мы ездили в деревню Резя на похороны Рожкову Тихону Ивановичу. Были в Чулосе у Жени Федуловой. Женя мне дала шерсти на-прясть и связать носки Аркадию, чулочки и рукавички Маринки, три пары рукавиц.

<...>

1971 года, 1 января, была свадьба у Витьки Арсентева. Мы были втроем, было хорошо и весело. Моло[д]ка Нина нас всех обдарила. Нина у нас ушла на каникулы в Нисогору. Время погоды стоит² [-] очень сильные ветры, метели, ужас ветер.

1971 года, 23 января, день суббота. Начинается день, Беленкин П[етр] на-чинает топить баню. Вот мы с Толей тоже участвуем в топке бани. Вдруг приходит Петр Беленкин к нам. Я гляжу, у них уже бутылочка на столе и распивают. Одну выпили, и Толя стал просить у меня 3 руб[ля] еще на бутылку. Я говорю[:] Толя, у меня только 3 рубля, я их берегу. Мне завтра 24 ян[варя] день рождения, я что ли куплю. Говорит Толя мне[:] мама, я тебе отдам. Нет, не дам, потому что надо идти в баню, а вы пьяны. Ладно, всё будет в порядке. Я отдала, и что получилось?..

¹ Второй год неурожай.

² Погода в ряде северных и поволжских говоров – ‘непогода’.